

УДК 9.94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-70-76

ГРЕЧИШКО Дмитрий Николаевич
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государствен-
ный университет» в г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
me_eum_esse@mail.ru

Dmitriy N. GRECHISHKO
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
me_eum_esse@mail.ru

ПИСЬМЕННАЯ Татьяна Геннадьевна
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государствен-
ный университет» в г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
pismennayat@mail.ru

Tatiana G. PISMENNAYA
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
pismennayat@mail.ru

РЯБИКОВ Александр Николаевич
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государствен-
ный университет» в г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
riybicov@mail.ru

Alexander N. RYABIKOV
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
riybicov@mail.ru

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ В
РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ
XX В. (НА ПРИМЕРЕ КУБАНСКОГО
КАЗАЧЕСТВА)**

**TO THE QUESTION OF SOCIAL CONTROL IN
RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE
BEGINNING OF THE XX CENTURY (ON THE
EXAMPLE OF THE CUBAN COSSACKS)**

Актуальность исследования социального контроля в России во второй половине XIX - начале XX в. объясняется устойчивым интересом к проблеме со стороны не только представителей научных кругов, но и практиков и политиков. Изучение социального контроля в историческом прошлом может способствовать объективному восприятию данной проблемы в современном обществе. К тому же в историографии данная проблематика практически не изучена. Многие аспекты развития социального контроля в России в историческом плане остаются малоисследованными. К их числу относится вопрос о влиянии не только социально-политических, но и исторических факторов на формы и методы, механизмы реализации социального контроля. В статье социальный контроль рассматривается в контексте девиантности и модернизационной трансформации дореволюционного российского общества. Причем данная проблематика анализируется на региональной почве. На основе осуществленного теоретического и источникового анализа раскрываются особенности реализации социального контроля в пореформенном казачьем социуме. Рассматривается влияние модернизации на механизм социального контроля, который усложнялся и одновременно становился более гибким, отвечающим запросам социального прогресса. В статье также раскрываются особенности трансформации нормативного поведения кубанского казачества, его системы ценностей, что было обусловлено разрушением традиционного уклада жизни в пореформенный период. Делается вывод, что развитие капиталистических отношений на Кубани, изменение традиционных ценностей казачества вызвали рост уголовных преступлений. Показана особая роль в повседневной жизни кубанского казачества норм обычного права, которое выступало зачастую единственным регулятором поведения. Оно регламентировало общинный быт казачества, семейные отношения, образ жизни.

The relevance of the study of social control in Russia in the second half of the 19th - the beginning of the 20th century is due to the steady interest in the problem on the part not only of representatives of the scientific community, but also of practitioners and politicians. The study of social control in the historical past can contribute to an objective perception of this problem in modern society. Moreover, in historiography, this problematic has not been practically studied. Many aspects of the development of social control in Russia in the historical plan remain poorly researched. Among them is the question of the influence not only of socio-political but also historical factors on forms and methods, mechanisms for implementing social control. In the article, social control is considered in the context of deviance and modernization transformation of pre-revolutionary Russian society. And this problematic is analyzed on a regional basis. On the basis of the theoretical and source analysis, the specifics of the implementation of social control in the post-reform Cossack society are revealed. The influence of modernization on the mechanism of social control is being considered, which has become more complex and, at the same time, more flexible, responding to the demands of social progress. The article also reveals the features of the transformation of the normative behavior of the Kuban Cossacks, its value system, which was due to the destruction of the traditional way of life in the post-reform period. It is concluded that the development of capitalist relations in the Kuban, a change in the traditional values of the Cossacks, led to the growth of criminal offenses. A special role is played in the daily life of the Kuban Cossacks in the norms of customary law, which often acted as the only regulator of behavior. It regulated the communal life of the Cossacks, family relations, and way of life.

Ключевые слова: социальный контроль, модернизация, традиционный уклад, социотипическое поведение, кубанское казачество, Кубань

Keywords: social control, modernization, traditional way of life, sociotypic behavior, Kuban Cossacks, Kuban

Институты социального контроля отвечают за интеграцию индивидуума в социум. И каким бы многообразием не отличались варианты реакции на ненормативное поведение, на сегодняшний день главной целью всех форм контроля по-прежнему является подчинение человека обществу. Проблема социального контроля становится наиболее актуальной в кризисные ды - когда общество охватывают проблемы социально-экономического и политического характера.

Сегодня в России наблюдается целый ряд негативных социальных явлений, усугубляемых экономическим кризисом. Социологи отмечают неустойчивость нормативного (социотипического) поведения россиян, что обуславливает потребность проведения анализа специфики социального контроля в России в исторической ретроспективе. Наш исследовательский интерес обращен к социальной повседневности пореформенной России (вторая половина XIX и начало XX в.), поскольку в данный период происходили аналогичные современности трансформации социально-политического характера: стремление к быстрому «социальному продвижению», отставание реального материального благополучия от ускоренного роста потребностей и т.д.

В настоящей статье автор ставит цель проанализировать проблему социального контроля в России, на материалах Кубанской области во второй половине XIX - начале XX в.

Изучению проблемы социального контроля и девиантности посвящен определенный пласт социологической литературы, среди которой следует выделить труды Т.В. Шипуновой, О.А. Лиходей, Н. Бойко, Е.М. Кузнецовой, И.В. Зизиашвили и др. [16; 10; 2; 8; 6; 11]. Следует отметить многомерность понятия «социальный контроль» и широту его определений.

Отдельные аспекты заявленной проблемы нашли отражение в труде Д.Н. Гречишко [5], в котором автор анализирует проблему социотипического поведения кубанского казачества.

Во второй половине XIX в. под влиянием проводимой государством масштабной модернизации изменялась вся система государственного и общественного устройства. Российское самодержавие стало проводником экономического, культурного и социального прогресса [13, с. 734].

Аналогичные процессы протекали в Кубанской области, образование которой одновременно с созданием Кубанского казачьего войска в 1860 г. стало отправной точкой трансформации, затронувшей кубанское казачество. В регионе происходило ускоренное экономическое развитие, наблюдался рост благосостояния граждан, социальный прогресс, изменения демографической ситуации и т.п.

Однако любой прогресс дается определенной ценой. Поскольку «Великие реформы» во многом опережали уровень социально-политического развития России [13, т. 2. с. 736], возникло множество социальных противоречий, приведших в начале XX в. к общественной фрустрации. Социальное неравенство, разница в доходах населения страны создавали ощущение депривации, порождали недовольство имеющимся уровнем жизни и в итоге формировали конфликтогенность общества.

Социально-политическая эволюция российского общества в пореформенный период поставила на повестку дня проблему подавления конфликтов и создания дисциплинарного общества, осуществление чего возможно через формальные (институты, политика, чиновники) и неформальные (гражданские ценности, чувство общности, нормы поведения) институты социального контроля.

В российском традиционном обществе можно выделить три основных института социального контроля - семья, религия и государство, которые обеспечивали конформное поведение индивидов в пределах существующих общественных институтов [16, с. 180].

В сфере особого внимания российских властей находились те социальные слои, которые мыслились как опора существующего режима. Безусловно, к таковым относилось кубанское казачество.

Кубанское казачество во второй половине XIX в. постепенно обретало заверченный вид в общественном отношении, инкорпорируясь в государственность Российской империи. Завершение формирования территориальных пределов Российского государства и установление его юрисдикции на Северный Кавказ побуждало власти пересмотреть систему управления казачьими областями Северного Кавказа в целях «устройства гражданского быта населения».

Важнейшей составляющей политики правительства по реорганизации и развитию казачьей общности являлась попытка изменить казачьи юридические обычаи и соответствующие им формы социального контроля. Первоначальный военизированный быт кубанского казачества обуславливал репрессивный характер социального контроля (смертная казнь, членовредительство), который осуществлялся казачьим же обществом. Общество постоянно и активно реагировало на отклонения от стандартов: пьянство, прелюбодеяние, трусость, воровство, убийство и т.п. Система наказаний за провинности включала: сечение нагайками, разрывание лошадьми, штраф «напоем», отсидку в воде, посадку в колодку и др. По мере развития казачьего сообщества наказания не-

сколько смягчались, но и во второй половине XIX в. к нарушителям применялись жесткие или даже позорящие их меры: высылка, публичная порка, самосуды [3, с. 32]. Наказание для казаков было также необходимым средством при воспитании. Детям с детства внушали, что наказание неотвратно и не обсуждаемо. Собственно, семья является первейшим и естественным институтом социального контроля [8, с. 57].

Развивать правовую культуру казачества и новые формы социального контроля российские власти намеревались через судебную реформу, которая планомерно претворялась в жизнь в 1860-1870-х годах. В соответствии с Положением «Об общественном управлении в казачьих войсках» 1870 г., казачьим станичным обществам предоставлялось полное самоуправление по делам распорядительным, хозяйственным и судебным. В области учреждался окружной суд, а для удобства осуществления судебной деятельности вся область была разделена на судебно-мировые участки. Для рассмотрения споров между жителями станицы был учрежден станичный суд, состоявший из трех судей, избираемых станичным сходом. Судебные преобразования получили свое продолжение в 1891 г., когда вышло новое положение «Об общественном управлении станиц казачьих войск», изменившим систему судопроизводства. Станичный суд на формально-процессуальном уровне был поставлен под жесткий контроль государства. Однако именно через судейство в станичных судах казачество обретало социальный опыт, изменялись его юридические обычаи. Этому содействовала гласность заседаний станичных судов, утверждавшийся приоритет письменных документов и необходимость их должного и процессуального оформления [7, с. 90].

Однако процесс формирования гражданственно-правовой культуры у кубанского казачества во второй половине XIX - начале XX в. тормозился существованием устойчивых форм обычного права. Подчиняясь в своей жизни законам российского государства, традиционные устои казачества продолжали играть важнейшую роль на общественном и бытовом уровнях. Кубанское казачество, будучи вписанным в систему многоярусного контроля, по-прежнему ориентировалось на народные обычаи, традиционные понятия морали и нравственности.

В повседневной жизни казаки придерживались в большей степени норм обычного права, нежели законных предписаний. Более того, обычное право выступало зачастую единственным регулятором поведения. Оно регламентировало общинный быт казачества, семейные и половые отношения, образ жизни, манеру вести себя со старшими, сверстниками, вышестоящими и нижестоящими на социальной лестнице людьми. Д. Эварницкий отмечал, что «казаки руководствовались не писаными законами, а стародавним обычаем, словесным правом и здравым смыслом. В основе всей казачьей общины лежал их обычай» [5, с. 99].

Обычное право имело достаточно крепкие позиции в казачьей общине вплоть до начала XX в. Объясняется это во многом несовершенством и крайне примитивным характером системы судебных учреждений кубанских казаков [7, с. 81]. «Канцелярская кляуза, крючкотворство, произвол, медлительность, потворство, суровое наказание, низкий уровень общественной нравственности и пр. легко уживались с канцелярскими формами казачьего суда», - писал Ф.А. Щербина [17, с. 804]. Судопроизводство было далеко от юридических идеалов и не выполняло своих обязанностей.

С разрушением традиционного общественного и бытового уклада жизни (под влиянием либеральных реформ) кубанское казачество сталкивается с различными трудностями. Проводимая модернизация способствовала рационализации человека и общественных отношений. Казачье общество теперь не всегда понимало, как правильно реагировать на новые жизненные реалии. Развитие капиталистических отношений, к примеру, демонстрировало возможность быстрого обогащения, при условии проявления инициативы и предприимчивости. Сословный же характер социальной структуры российского общества не предусматривал широкой социальной мобильности. Неопределенность правительственного курса в отношении кубанского казачества - развитие в казачестве гражданских начал, с одной стороны, и удержание его в рамках военно-служилого сословия, с другой стороны, - порождала неустойчивость казачьего социума. Казаки не могли определиться, на какие ценности им необходимо ориентироваться в общественной и повседневной жизни. Соответственно, давал сбой и внутренний механизм социального контроля.

Неустойчивость социальных норм приводила к росту жестокости, преступности, аморальности человека [13, т. 3. с. 740]. Социальные, экономические и культурные изменения обуславливали экономическую и социальную эмансипацию казачьей молодежи (освобождение от консерватизма), снижению роли семьи и церкви (как институтов социализации).

Еще одной важной предпосылкой изменения социального контроля над отклоняющимся поведением явилось падение веры в способность системы отечественной правоприменительной и правоохранительной практики повлиять на снижение уровня преступности. Проблема борьбы с преступностью на Кубани становится весьма актуальной в конце XIX - начале XX в.

Приход капитализма на Кубань, разрушение традиционных ценностей обусловили рост уголовных преступлений - воровства, грабежей, насилия. Настоящим бедствием становится воровство, о чем свидетельствует резко увеличившееся количество приговоров о выселении казаков за «порочное поведение» начиная с 90-х годов XIX в. [ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д. 161, 334, 335, 336, 762, 798; РГВИА. Ф.330. Оп.42. Д. 1080, 1083, 1089, 1090, 1123, 1125]. Сложившуюся обстановку могло изменить наличие конкретного механизма правового регулирования (то есть реализации законов и социальных норм), но он был развит в недостаточной мере.

Разумеется, рост преступности на Кубани в пореформенный период был обусловлен множеством факторов, в том числе наплывом из европейской части России большого числа людей, переселившихся в регион в поисках лучшей доли. Не найдя заработка, такие переселенцы усугубляли криминогенную ситуацию. И собственно казачья доля среди преступников была невелика - 0,04% [14, с. 57].

Можно отметить и то, что свершаемые преступления зачастую были следствием грубого невежества и пьянства. Эти негативные социальные явления формировались в условиях ухудшения имущественного и социального положения населения Кубани, нарушения иерархии первых жизненных потребностей. Падение общей нравственности, в том числе среди казачества, отмечается в многочисленных отчетах начальствующих лиц Кубанской области.

В попытке противостоять общественному упадку власть по максимуму использует ресурсы формальных институтов, контролирующих поведение людей, что означало переход от репрессивного контроля к сдерживающему. Контроль со стороны государства, судебных органов, прокурорского надзора, полиции, начальства, церкви, школы становится важной частью социальной жизни кубанского казачества.

Вместе с тем используемые механизмы социального контроля не давали должного результата. Развитие в стране рыночных отношений, права частной собственности, индивидуализма приводило к быстрому разложению традиционного уклада, социальному разобщению.

Контроль казачьей общины за поведением своих членов существенно ослаб, в связи с чем исчезла возможность контролировать членов общины, склонных к девиантному поведению.

Особенно заметным это стало в начале XX в., когда на Кубани произошли выступления иногородних крестьян. Край насыщался представителями люмпенизированных, пауперских слоев населения, готовых ради наживы на многое.

Об этом свидетельствуют архивные данные, которые приводит В.Н. Ратушняк: с 1898 по 1913 гг. численность населения в области выросла на 62%, а число привлеченных к суду и осужденных - на 92,7%, то есть налицо опережающий рост числа осужденных по сравнению с ростом населения (с. 89). Увеличилось число преступников - выходцев из казачьей среды. К тому же преступность на Кубани значительно «помолодела» [14, с. 90].

Рост преступности сочетался с падением доверия жителей кубанских городов и станиц к правосудию. Власти оказались не способны противодействовать захлестнувшей население Кубани социальной патологии - грабежам, разбоям, воровству, убийствам. Многие из преступников не несли какого-либо наказания, продолжая свободно проживать в станицах: административно высланные самовольно возвращались на места прежнего проживания, отданные на поруки продолжали заниматься своим привычным делом, а мирное население находилось под страхом, ожидая мести со стороны преступников, а также их поделельников [ГАКК. Ф.454. Оп.1. Л.39-40].

В условиях кризиса государственной власти, правоохранительных и правоприменительных органов, из-за их недееспособности у людей вырабатывалась привычка ставить свои локальные правовые нормы выше законов государства. В связи с чем на Кубани распространяются самосуды. Официальные власти признавали: «население Кубанской области в последнее время обнаруживает довольно-таки наглядно наклонность к самосуду: убивают и калечат самым безжалостным образом. Ломают ребра, выбивают зубы, вывертывают руки, рвут бороды и всячески увечат...» [9, с. 254].

Деморализация населения становится основным процессом, протекавшим в общественных отношениях на Кубани к началу XX в. Важно отметить, что это было явлением общероссийского масштаба, о чем говорит резкий рост преступности среди населения страны. За период 1906-1909 гг. в Российской империи количество осужденных выросло со 100 тыс. до 180 тыс. человек [4, с. 15]. Здесь можно вспомнить и самосуды, которые с конца XIX в. стали практически основными «внесудебными» действиями. Государство не справлялось с процессом общественного регулирования поведения людей, с которым связано формирование и развитие социальных норм. Следовательно, происходили изменение мировоззрения населения, разрушение существовавшей традиционной системы ценностей. Причем данные процессы затронули все без исключения социально-классовые и этносоциальные структурные элементы российского общества, все социальные слои, этносы и этнические группы [15, с. 514].

Претерпевали изменения и общественное сознание и ментальность кубанского казачества. Кубанское казачество хоть и представляло из себя довольно устойчивую и достаточно замкнутую общность с традиционным, устоявшимся мировоззрением, тем не менее было подвержено в своей среде и сознании определенным подвижкам [12, с. 523-531]. Трансформации идеологии и политических воззрений казаков способствовало общение с иногородними. На иногородних приходилось большое количество уголовных, административных правонарушений, пьянство, бродяжничество и т.д., что не могло не оказывать влияния на казачество. Вместе с тем поведение казаков во многом обуславливал замкнутый традиционный быт казачьей общины. Станичный сход был всегда снисходителен к любому своему члену. Совершившего преступление казака общество всегда прощало. Только наиболее отъявленные преступники выселялись из станицы [ГАКК. Ф.1. Оп.1. Д.499. Л.4]. Причем из Кубанской области казаки выселялись нечасто, чаще их отправляли в другие уезды Кубанской области, что, конечно, не означало начало праведной жизни высланного, а головную боль для той станицы, куда высылали человека, гарантировало. Привычка не выдавать на расправу государству «своих» играла, на наш взгляд, отрицательную роль, мешая нормальному функционированию казачьего социума. Скрывались казачьим обществом многие преступления: пьянство в войске среди офицеров и рядовых казаков, самоуправство и произвол начальствующих лиц, насилие в обществе и дома и прочие неприглядные явления общественной и личной жизни. Отсюда возникает иллюзия более высоких, чем у остального населения России, нравов казаков. В свою очередь, это не означает наличия у кубанского казачества каких-либо выдающихся нравственных пороков. Редкое применение официального права не способствовало преодолению негативных явлений в общественной жизни казачества во второй половине XIX - начале XX в., так как с приходом капитализма с его культом наживы и удовольствий, утверждением индивидуализма традиционное моральное порицание и осуждение общества становилось пустым звуком для некоторой части кубанского казачества. Моральный климат в кубанских станицах изменился.

Таким образом, социальный контроль предполагает целенаправленное воздействие на общество в целях формирования у его представителей желаемых моделей поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров [8, с. 58]. Функции социального контроля выполняют различные государственные и общественные институты.

В дореволюционной России долгое время господствовали репрессивные формы контроля со стороны государства и такие же формы контроля со стороны социальных групп, строго следящих за нормативным поведением членов своего общества. Такая модель социального контроля была оптимальной для существующего традиционного, по сути феодального, уклада государственной и общественной жизни.

Вместе с тем модернизация страны во второй половине XIX в. обозначила проблему необходимости приведения в соответствие нового уклада жизни с существующими формами социального контроля. Социальный прогресс, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, достаточно быстро показал, что в новых условиях социальный контроль и его механизмы должны обладать гибкостью. Мы могли убедиться в этом на примере казачьей жизни, которая была вписана в систему многоярусного контроля со стороны государства и общества. За тяжкие проступки казаков ожидала суровая система уголовной ответственности, с одной стороны, и жестокое наказание самим казачьим обществом - с другой. Однако подобный репрессивный социальный контроль дает сбой в пореформенный период.

Несовершенство судебной системы, правоохранительной и правоприменительной практики не позволяло успешно бороться с растущей преступностью. Разложение же традиционных социальных связей, рационализация поведения индивидуумов казачьего социума привели к краху норм обычного права, регулирующих социотипическое поведение казачества. В конце XIX - начале XX в. процесс размывания традиционных казачьих ценностей становится наиболее заметным. Свидетельствуют об этом судебные процессы между родственниками, участвовавшие жалобы членов семейств друг на друга. Наказной атаман граф Сумароков-Эльстон отмечал, что судебные процессы открывают не одну семейную язву, но целый ряд преступных деяний, «столько же противных нравственности, сколько гибельных для семейств» [ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2458. Л.1]. Между молодыми казаками распространяется тяга к алкоголю, праздному времяпрепровождению, сквернословию, антиобщественному поведению.

Переход от репрессивного контроля к сдерживающему (формальному и неформальному) социальному контролю (со стороны государства, судебных органов прокурорского надзора, полиции, начальства, церкви, сети учебных и просветительских учреждений, печатных органов) компенсировал негативные следствия пореформенной социальной трансформации. Однако взятый социумом курс на революционный путь социально-политических преобразований не дал воспользоваться результатами нового подхода к социальному управлению российским обществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антонович И.И. Капитализм и социальный контроль. - М.: Мысль, 1978. - 174 с.
2. Бойко Н. Социальный контроль и демократизация общества. - Киев: Институт социологии НАНУ, 2007. - 272 с.
3. Бондарь Н.И. Модель традиционной культуры кубанского казачества // Бондарь Н.И. Традиционная культура Кубанского казачества. Избранные работы / Научно-исследовательский Центр традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор». - Краснодар: Тип. КПП «Кубанькино», 1999. - С. 26-45.
4. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. - СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. - 528 с.
5. Гречишко Д.Н. Трансформация социотипического поведения кубанского казачества во второй половине XIX - начале XX века: Монография / Д.Н. Гречишко. - Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2014. - 170 с.
6. Зизиашвили И.В. Превенция девиантного поведения как форма социального контроля: региональный аспект: Дис. ... канд. соц. наук: 23.00.02 / Зизиашвили Инна Вахтанговна. - Саратов, 2006. - 155 с.
7. Копанева О.И. Казачество и Российская государственность (историко-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Копанева Ольга Ивановна - СПб., 2003. - 174 с.
8. Кузнецова Е.М. Социальный контроль - сущность и методы реализации: фия. - Saarbrücken (Germany): LAMBERT Academic Publishing, 2012. - 188 с.
9. Куценко И.Я. Кубанское казачество. - Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993. - 583 с.
10. Лиходей О.А. Девиантное поведение и социальный контроль: на примере бродяжничества и попрошайничества в России: Дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.04 / Лиходей Ольга на. - СПб., 2006. - 363 с.
11. Макаревич Э.Ф., Карпунин О.И., Луков В.А. Социальный контроль масс. - М.: Дрофа, 2007. - 432 с.
12. Мамонов В.Ф. К вопросу о «естественном рассказывании» // Очерки традиционной культуры казачеств России / Научно-исследовательский Центр традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор»; под общ. ред. Н.И. Бондаря. - Краснодар: ЭДВИ, 2005. - Т. 2. - С. 523-531.
13. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. - Т. 2. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. - 912 с.; Т. 3. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. - 992 с.
14. Ратушняк В.Н. На страже порядка. Полиция Кубани в борьбе с преступностью (конец XIX - начало XX века). - Краснодар: Перспективы образования, 2010. - 192 с.
15. Трут В.П. Идеология казачества и его политические искания в XIX - начале XX века // Очерки традиционной культуры казачеств России / Научно-исследовательский Центр традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор»; под общ. ред. Н.И. Бондаря. - Краснодар: ЭДВИ, 2005. - Т.2. - С. 514-523.
16. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические мы. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. - 245 с.
17. Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. В 2 т. Репринтное издание. - Краснодар: Советская Кубань, 1992. - 880 с.

REFERENCES

1. Antonovich I. I. Kapitalizm i sotsial'nyy kontrol'. M. : Mysl', 1978. 174 p.
2. Boyko N. Sotsial'nyy kontrol' i demokratizatsiya obshchestva. Kiev : Institut sotsiologii NANU, 2007. 272 p.
3. Bondar' N. I. Model' traditsionnoy kul'tury kubanskogo kazachestva // Bondar' N. I. Traditsionnaya kul'tura Kubanskogo kazachestva. Izbrannye raboty. / Nauchno-issledovatel'skiy Tsentr traditsionnoy kul'tury Gosudarstvennogo nauchno-tvorcheskogo uchrezhdeniya «Kubanskiy kazachiy khor». Krasnodar : Tipografiya KPP «Kuban'kino», 1999. P. 26-45.
4. Gilinskiy, Ya. I. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh otkloneniy. SPb. : Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2004. 528 p.
5. Grechishko D. N. Transformatsiya sotsiotipicheskogo povedeniya kubanskogo kazachestva vo vtoroy polovine XIX - nachale XX veka : monografiya / D. N. Grechishko. Slavyansk-na-Kubani : Filial Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta v g. Slavyanske-na-Kubani, 2014. 170 p.

6. Ziziashvili I. V. Preventsiya deviantnogo povedeniya kak forma sotsial'nogo kontrolya: regional'nyy aspekt : dis. ... kand. sots. nauk : 23.00.02 / Ziziashvili Inna Vakhtangovna. Saratov, 2006. 155 p.
7. Kopaneva O. I. Kazachestvo i Rossiyskaya gosudarstvennost' (istoriko-pravovoy analiz): dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01 / Kopaneva Ol'ga Ivanovna. SPb., 2003. 174 s.
8. Kuznetsova E. M. Sotsial'nyy kontrol' - sushchnost' i metody realizatsii. Monografiya. Saarbrucken (Germany): LAMBERT Academic Publishing, 2012. 188 p.
9. Kutsenko I. Ya. Kubanskoe kazachestvo. Krasnodar : Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 1993. 583 p.
10. Likhodey O. A. Deviantnoe povedenie i sotsial'nyy kontrol' : na primere brodyazhnichestva i poproshaynichestva v Rossii : dis. ... d-ra sots. nauk : 22.00.04 / Likhodey Ol'ga Arkad'evna. SPb., 2006. 363 p.
11. Makarevich E.F., Karpukhin O.I., Lukov V.A. Sotsial'nyy kontrol' mass. M. : Drofa, 2007. 432 p.
12. Mamonov V. F. K voprosu o «estestvennom raskazachivanii» // Ocherki traditsionnoy kul'tury kazachestv Rossii / Nauchno-issledovatel'skiy Tsentr traditsionnoy kul'tury Gosudarstvennogo nauchno-tvorcheskogo uchrezhdeniya «Kubanskiy kazachiy khor»; pod obshch. red. N. I. Bondaryaya. Krasnodar: EDVI, 2005. T. 2. P. 523-531.
13. Mironov B. N. Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. T. 2. SPb : Dmitriy Bulanin, 2015. 912 p.; T. 3. SPb : Dmitriy Bulanin, 2015. 992 p.
14. Ratushnyak V. N. Na strazhe poryadka. Politsiya Kubani v bor'be s prestupnost'yu (konets XIX - nachalo XX veka). Krasnodar : Perspektivy obrazovaniya, 2010. 192 p.
15. Trut V. P. Ideologiya kazachestva i ego politicheskie iskaniya v XIX - nachale XX veka // Ocherki traditsionnoy kul'tury kazachestv Rossii / Nauchno-issledovatel'skiy Tsentr traditsionnoy kul'tury Gosudarstvennogo nauchno-tvorcheskogo uchrezhdeniya «Kubanskiy kazachiy khor»; pod obshch. red. N. I. Bondaryaya. Krasnodar: EDVI, 2005. T.2. P. 514-523.
16. Shipunova T. V. Deviantologiya: sovremennye teoretiko-metodologicheskie problemy. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2012. 245 p.
17. Shcherbina F. A. Istoriya kubanskogo kazach'ego voyska. V 2 t. Reprintnoe izdanie. Krasnodar : Sovetskaya Kuban', 1992. 880 p.

Информация об авторах:

Гречишко Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянск-на-Кубани, Россия
me_eum_esse@mail.ru

Письменная Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянск-на-Кубани, Россия
pismennayat@mail.ru

Рябиков Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянск-на-Кубани, Россия
riybicov@mail.ru

Получена: 01.12.2017

Для цитирования: Гречишко Д.Н., Письменная Т.Г., Рябиков А.Н. К вопросу о социальном контроле в России во второй половине XIX - начале XX в. (на примере кубанского казачества). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.70-76.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-70-76.

Information about the authors:

Dmitriy N. Grechishko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban), Slavyansk-on-Kuban, Russia
me_eum_esse@mail.ru

Tatiana G. Pismennaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban), Slavyansk-on-Kuban, Russia
pismennayat@mail.ru

Alexander N. Ryabikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban), Slavyansk-on-Kuban, Russia
riybicov@mail.ru

Received: 01.12.2017

For citation: Grechishko D.N., Pismennaya T.G., Ryabikov A.N. To the question of social control in Russia in the second half of the XIX - the beginning of the XX century (on the example of the cuban cossacks). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part.2. Pp. 70-76.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-70-76. (in Russian)